

Цинь Цзэюань засиделся на работе почти до самого конца дня. Сюй Сицзин успел нагрызть целую гору скорлупы, и Цинь Цзэюань посмеялся над ним, сказав, что он такой ненасытный, что наелся одними орехами, — придётся смотреть, как он будет уплетать ужин.

Сюй Сицзин не выезжал с Цинь Цзэюанем с шестнадцати лет, и теперь, когда тот вёз его на ужин, он чувствовал себя странно. Эта атмосфера навевала множество детских воспоминаний.

Они отправились в частный ресторанчик, где подавали блюда, приготовленные в отдельных порциях. Место было окружено горами и рекой, над крышами вился дымок. В начале зимы на поверхности воды уже образовался тонкий ледяной покров. Цинь Цзэюань сказал, что они закажут рыбу — её здесь ловят, пробивая лунку прямо во льду.

Сюй Сицзин никогда такого не видел и совсем не думал о выборе блюд, ему лишь хотелось посмотреть, как ловят рыбу. Цинь Цзэюань заказал несколько популярных позиций из меню и пошёл с ним.

То, что Цинь Цзэюань назвал «ловлей рыбы из реки», было лишь стилизацией под северный зимний лов, без настоящей радости большого улова. Сюй Сицзин слегка разочаровался и пробормотал Цинь Цзэюаню: «Не так, как я по телевизору видел.»

Цинь Цзэюань ответил: «Просто для новизны ощущений. Посмотри на процесс — здесь в такую погоду всё равно ничего не наловишь.»

За ужином Сюй Сицзин рассеянно ковырял палочками рыбу, превратив аппетитное блюдо в нечто неопрятное. Цинь Цзэюань стукнул его по руке: «Ешь нормально, что ты делаешь?»

Сюй Сицзин опомнился и вдруг решил испытать Цинь Цзэюаня: «Не хочу это, хочу мороженое.» Он назвал кафе-мороженое, сказав, что оно очень популярно и там всегда очередь.

Цинь Цзэюань покосился на него: «Без Лао Суна, который за тобой присматривает, ты даже сладкое по вечерам себе позволяешь.»

Несмотря на слова, по дороге домой он специально свернул к тому кафе. Уже смеркалось, и владелец собирался закрываться. Цинь Цзэюань велел Сюй Сицзину оставаться в машине, а сам вышел и купил ему две порции.

Сюй Сицзин, держа по стаканчику в каждой руке, с наслаждением ел то одно, то другое, и не доехав до дома, уже всё уничтожил. Цинь Цзэюань, управляя машиной, взглянул на него и, увидев, как тот растопырил пальцы, потому что мороженое подтаяло и текло, протянул ему влажную салфетку, шутя: «И совсем ты бессовестный. Мной помыкаешь запросто, а сам даже попробовать не дал.»

Сюй Сицзин наклонился и чмокнул Цинь Цзэюаня в щёку: «Вот, господин, попробуй.»

На следующий день Сюй Сицзин пришёл рано. Динцзы курил у входа и, увидев его, улыбнулся: «Сегодня рано. А я думал, ты всегда в последнюю минуту появляешься.»

Сюй Сицзину стало неловко. Динцзы докурил сигарету и метко швырнул окурочек в урну по другую сторону от входа: «Пошли внутрь.»

«Сегодня снова будем в павильоне снимать?» — спросил Сюй Сицзин.

«Ага. А что, хочешь на натуре?»

«Нет-нет, мне всё равно. Просто вчера я почувствовал, что тебе не очень нравится студийная съёмка», — поспешил объяснить Сью Сицзин.

Динцзы в это время выбирал объектив и, услышав его слова, усмехнулся: «Не то чтобы мне не нравилась съёмка в павильоне. Просто мне не нравился ваш конкретный павильон.»

Он провёл Сью Сицзина по своей мастерской — два этажа, немного сотрудников, отделка в модном в последние годы индустриальном стиле. Динцзы с лёгкой досадой сказал: «Банально, конечно. Отец нанял дизайнера, сказал — студия художника должна выглядеть именно так.»

Сью Сицзин не разбирался в тонкостях художественной жизни и кивнул просто так: «Мне кажется, очень красиво и необычно.»

Динцзы фыркнул и сказал: «Милый.»

Макияж Сью Сицзину Динцзы не стал делать, решив снимать его без грима. В последние годы многие фотографы увлеклись естественностью. Динцзы уже подготовил одежду — новую коллекцию осенне-зимнего сезона от бренда мужской одежды первой линии. Этот бренд привлекал внимание многих в индустрии своими сложными фасонами, смелыми цветовыми сочетаниями и редким для других винтажным стилем.

Сью Сицзин, разглядывая вещи, сомневающе спросил: «Этот комплект... я смогу его носить?»

Динцзы, не слушая возражений, натянул на него одежду и, довольный, похлопал в ладоши: «Вот так. То, что надо.»

Нельзя было не признать, что Динцзы умел направлять модель. Сью Сицзин, сначала оробевший при виде костюма, после нескольких указаний освоился.

Динцзы, снимая, говорил: «Разве ты не чувствуешь, что это и есть настоящий ты? Ты нерешительный, ты в смятении.» Он попросил Сью Сицзина сменить ракурс: «Ты оказался перед мучительным выбором, и что бы ты ни выбрал, тебе будет жаль чего-то, от чего не сможешь отказаться.»

Объектив сфокусировался на глазах Сью Сицзина. Динцзы сказал: «Одежда на тебе — это и есть то, от чего ты не можешь отказаться. Ты взвешиваешь её, чувствуешь, что не выдержишь, но, приняв, оказываешься в её плену.»

Глядя через объектив, Динцзы видел Сью Сицзина насквозь, и тому оставалось лишь молчать. Работая, Динцзы был предельно серьёзен. Его камера и Сью Сицзин словно нашли общий язык, съёмка шла слаженно и эффективно. Сью Сицзин сменил три комплекта, и к полудню всё было благополучно завершено.

Поскольку это было личное приглашение, Сью Сицзин не взял с собой ни Лао Суна, ни Фэн Тин. К его удивлению, даже докучливые сасэн-фанатки, которых обычно не отводишь, на этот раз не появились. Неизвестно, было ли это связано с недавней громкой оглаской истории с Кун Вэйвэй, из-за которой они почувствовали себя неуверенно, или они все разочаровались. Сью Сицзин наслаждался неожиданным спокойствием и пригласил Динцзы пообедать.

Динцзы вывел его через чёрный ход студии в узкий переулок, снова закурил и, сделав пару затяжек, будто спохватившись, спросил: «Ты не против, если я курю?»

Сюй Сицзин покачал головой, и Динцзы продолжил: «Дойдешь до конца, свернешь налево — там ряд небольших забегаловок. Готовят отменно. Я угощаю, выбирай любую.»

Сюй Сицзин, впервые здесь, растерялся и наугад выбрал сычуаньскую харчевню. Динцзы, стоя у входа, усмехнулся: «Хозяйка здесь — просто огонь, характер — что надо.» Его улыбка была слегка игривой, без неприязни, словно у героев старых гонконгских фильмов.

Не успел он договорить, как сидевшая за кассой хозяйка швырнула в него тряпкой: «Чтоб ты сдох, не смей меня дразнить!»

Динцзы ловко поймал тряпку, летевшую ему в голову, с ухмылкой вернул её хозяйке и прихватил меню.

Меню было засаленным, и Сюй Сицзину казалось, будто с каждой страницы на пальцы переходит слой жира. Он спросил мнение Динцзы, но тот размашисто ответил: «Не спрашивай меня, я мясного не ем. Выбирай, что нравится.» Только тогда Сюй Сицзин узнал, что Динцзы — вегетарианец.

В ожидании заказа Динцзы снова закурил: «Хочешь спросить, почему я не ем мясо? На самом деле, причины особой нет. Как-то раз поехали мы с друзьями в Африку, попали там на взрыв. Вижу я, как одного из наших на месте убивает, а выжившие — и думать забыли, кто куда бежит. Когда чуть успокоились, вернулись тело забрать — а там уже грифы слетелись и почти всё обглодали.»

Дым окутывал их, а Сюй Сицзин слушал, замороженный. Динцзы спросил: «Видел ту знаменитую фотографию — «Голод в Судане»? Там ещё похуже было. Но я покрепче того фотографа оказался — он покончил с собой, а я просто мясо бросил.»

Он говорил так легко, словно пересказывал затянувшуюся сцену из документального фильма. Сюй Сицзин же был шокирован. Он не сталкивался с миром, охваченным войной, и не мог прочувствовать то ликование, что испытывает спасшийся от смерти.

Динцзы, увидев его побледневшее лицо, рассмеялся: «Да я тебя разыгрываю! Неужели поверил? Я просто мясо бросил, потому что курю много — надо лёгкие чистить!»

Сюй Сицзин, которого просто так одурачили, почувствовал неловкость и досаду. С трудом выдавив, он произнёс: «Поменьше читай статей в соцсетях — всё враньё.»

Динцзы закивал, и, когда начали подавать блюда, сменил тему: «Знаешь, кому я больше всех завидую?»

Сюй Сицзин поднял голову, готовый слушать, но в душе подумал: «Я уже твоей жизни завидую, а у тебя есть ещё кто-то, кому ты завидуешь? Это же просто зависть завистью погоняет.»